А. Д. Гречанов
Ю. С. Мелещенко

Значение работы В. И. ЛЕНИНА „Материализм и эмпириокритицизм“ для критики современной буржуазной философии

ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РСФСР

Ленинградское отделение

Кандидаты философских наук
А. Д. ГРЕЧАНОВ и Ю. С. МЕЛЕЩЕНКО

ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА „МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ" ДЛЯ КРИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

ЛЕНИНГРАД
1960

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ленинская методология критики буржуазной философии и философского ревизионизма 5

Классовая сущность, идейные истоки и теоретические основы современной буржуазной философии 14

Современная буржуазная философия и естествознание . . 31

Проблема партийности философии и отношение к ней современной буржуазной философии и философского ревизионизма 48

* * * *

Алексей Данилович Гречанов
Юрий Сергеевич Мелещенко

Значение работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для критики современной буржуазной философии

Научный редактор кандидат философских наук *А. И. Новиков*
Редактор издательства *А. В. Васильев*
Техн. редактор *А. М. Гурджиева*
Обложка художника *Э. И. Копеляна*
Корректор *Н. А. Тырса*

М-23407 Подписано к печати 27.VIII 1960 г. Объем $3^1/_2$ п. л.
Заказ 473-а Тираж 15000 экз.

Типография № 11 УПП Ленсовнархоза, г. Пушкин

Исполнилось девяносто лет со дня рождения В. И. Ленина. Владимир Ильич не дожил до наших дней, не стал очевидцем тех величественных достижений Советского Союза, всех социалистических стран, которые с радостью и надеждой признает прогрессивное человечество, с ненавистью и страхом вынуждены признать наши противники. Но все эти победы и достижения неотделимы от имени Ленина, они основываются на его идеях, на единственно истинном и всепобеждающем учении марксизма-ленинизма.

Советский Союз вступил в период развернутого строительства коммунизма. Программа этого строительства, разработанная XXI съездом КПСС, ведет советский народ по пути, начертанному Лениным, творчески воплощая его указания, идеи, мечты. Путь к коммунизму не только создание материально-технической базы нового общества, его экономики, не только развитие демократии и сознательного творчества людей. Это также всесторонний расцвет личности, освобождение человека от всех следов старого, капиталистического общества, это, говоря шире, — воспитание нового человека, который сам построит коммунизм, будет жить в нем, будет достойным гражданином коммунистического общества.

Воспитание нового человека — сложное дело. Оно связано с преодолением трудностей, с острой борьбой против сохранившихся у нас и проникающих извне проявлений буржуазной идеологии. И если исторической необходимостью, требованием жизни является мирное сосуществование двух систем — социализма и капита-

лизма, то это совсем не означает отказа от идеологической борьбы, от решительной критики и разоблачения буржуазной идеологии. Н. С. Хрущев говорил на XX съезде КПСС: «Из того факта, что мы стоим за мирное сосуществование и экономическое соревнование с капитализмом, никак нельзя делать вывод, что можно ослабить борьбу против буржуазной идеологии... Наша задача — неустанно разоблачать буржуазную идеологию, вскрывать ее враждебный народу характер, ее реакционность».[1] На это указал и XXI съезд КПСС, отметив, что борьба с буржуазной идеологией является одной из главных наших задач.

Она имеет не только внутреннее значение, связанное с воспитанием человека коммунистического общества, но и огромное международное значение. Нельзя добиться социалистических преобразований без настойчивого распространения марксистско-ленинского учения.

Составной частью борьбы с враждебной идеологией является разоблачение современной буржуазной философии и философского ревизионизма. Идеи буржуазной философии глубоко проникают в науку, искусство и культуру капиталистических стран, различными путями они внедряются в сознание интеллигенции, определенной части трудящихся и создают благоприятную почву для восприятия ими реакционных политических взглядов и подчинения реакционной политике буржуазии.

Успешная критика буржуазной философии и философского ревизионизма возможна только при том условии, если она будет осуществляться с верных методологических позиций. Нужно уметь разбираться в истинном смысле, целях и назначении тех многочисленных и внешне отличных школ и направлений, которыми так пестрит современная буржуазная философия. Необходим верный подход к анализу различных философских учений, необходим, следовательно, правильный метод изучения и критики современной буржуазной философии.

Глубокую, страстную и принципиальную критику буржуазной идеологии вообще, философии в частности, содержат в себе произведения В. И. Ленина, и особенно его книга «Материализм и эмпириокритицизм».

---

[1] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. Госполитиздат, 1956, стр. 136.

Разумеется, за время, прошедшее после выхода в свет книги, многое изменилось. Полвека — большой срок. Ушли в прошлое и забыты многие из тех живых противников, с которыми вел борьбу Ленин, почти не читаются их книги, место махизма заняли новые направления современной буржуазной философии; однако ленинская критика не потеряла своей значимости и актуальности. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Владимир Ильич разработал важнейшие методологические принципы марксистской критики буржуазной философии и философского ревизионизма, которые в современных условиях имеют первостепенное значение. Именно на них основываются марксисты всех стран в своей идеологической борьбе, в критике реакционной философии.

ЛЕНИНСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КРИТИКИ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Важнейшие принципы марксистского метода критики буржуазной философии и философского ревизионизма сформулированы В. И. Лениным в заключении к книге «Материализм и эмпириокритицизм». Центральным и исходным среди них является принцип партийности философии, составляющий основу ленинской критики махизма и других направлений буржуазной философии.

В чем же суть этого принципа? Почему он вызывает ожесточенные нападки многочисленных представителей современной буржуазной философии и философского ревизионизма?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вспомнить, что́ является главным и определяющим в любой философской системе, в любом мировоззрении.

В течение прошлой истории философии, и особенно в настоящее время, существовало и существует множество философских учений, враждебных одно другому и связанных между собой, открыто провозглашающих свои взгляды и проповедующих их скрыто, завуалированно. Однако, так или иначе, все они дают определенное решение основного вопроса философии — вопроса об отношении мышления к бытию.

Первая сторона основного вопроса философии состоит в следующем: что является первичным — созна-

ние, дух или материя? Философы, утверждающие, что мир материален, что он существует вечно, изменяясь по своим собственным, объективным законам, что сознание вторично и является свойством самой материи, образуют лагерь материализма. Те же, кто считает первичным сознание и, в конечном счете, признает весь материальный мир зависящим от духовного начала и порожденным им, относятся к лагерю идеализма.

Точно так же обстоит дело и со второй стороной основного вопроса философии: познаваем ли мир или непознаваем, соответствуют ли человеческие знания действительности или искажают ее? Материалисты считают мир познаваемым, большинство же идеалистов отрицает познаваемость мира.

Таким образом, в зависимости от решения основного вопроса, философы делились и делятся на два противоположных и непримиримо враждебных лагеря, на две партии — материалистов и идеалистов, борющихся между собой на протяжении всей долгой истории философии.

Эта борьба не ограничивается лишь столкновением отвлеченных идей, оторванных от жизни. Каждое философское учение отражает и защищает определенные классовые интересы. За самыми абстрактными рассуждениями можно и нужно находить классовый смысл, политическую направленность. Сама по себе борьба материализма и идеализма есть специфическое отражение и преломление в области философии классовых противоречий. Причем материализм выступал и выступает как мировоззрение прогрессивных сил общества, идеализм вместе с религией служит интересам реакции. Ленин писал: «...за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества».[1]

После сказанного об основном вопросе философии и его различном решении материализмом и идеализмом, о связи этих главных партий в философии с классовыми интересами нетрудно сделать вывод, что принцип пролетарской партийности прежде всего подразумевает умение

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 343.

видеть истинную сущность любого философского учения. А для этого, как показал В. И. Ленин в заключении к книге «Материализм и эмпириокритицизм», необходимо рассматривать каждое философское учение с четырех точек зрения. И хотя Ленин вел речь непосредственно об одной философской школе — махизме, его указания целиком применимы ко всем другим философским школам и направлениям. Они имеют общеметодологическое значение.

Во-первых, нужно судить о философах и философских школах не по словам, а по делам, не по тем вывескам, которые они на себя надевают, а по тому, как они решают основные философские проблемы, чему учат своих учеников и последователей. В связи с этим Ленин считал совершенно необходимым сравнение теоретических основ той или иной философской школы с диалектическим материализмом, чтобы правильно определить ее сущность, решение ею центральных вопросов философской науки. И это очень важно. Уже махисты, пользуясь мудреной терминологией, новейшими словечками и понятиями, пытались представить свою философию беспартийной, стоящей выше материализма и идеализма. Русские махисты попались на эту удочку, уверовав в новизну и оригинальность эмпириокритицизма. И только глубокий ленинский анализ того, как решают русские и зарубежные эмпириокритики главные проблемы, прежде всего основной вопрос философии, две его стороны, позволил вскрыть мнимую новизну и действительную субъективно-идеалистическую сущность этой модной буржуазной философии. «Через *все* писания *всех* махистов, — отмечал Ленин, — красной нитью проходит тупоумная претензия „подняться выше“ материализма и идеализма, превзойти это „устарелое“ противоположение, а *на деле* вся эта братия *ежеминутно* оступается в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом».[1]

Такая же тупоумная претензия возвыситься над материализмом и идеализмом, а в действительности скрыть идеалистический смысл своих воззрений, исподволь протащить их в сознание людей чрезвычайно характерна и для современной буржуазной философии и философского ревизионизма. Да и приемы, собственно, остаются стары-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 326—327.

ми, заимствованными у махистов. Всё те же стремления объявить свою школку, течение последним словом философской науки, то же жонглирование новыми понятиями, изобретение новых словечек и терминов. Неопозитивизм, прагматизм, инструментализм, экзистенциализм, неотомизм, персонализм, — у непривычного человека в глазах рябит от всех этих и множества других «измов» современной буржуазной философии. А на поверку суть у них одна, — все это лишь разновидности современного идеализма, так или иначе признающего первичным сознание, а не материю.

Простое и ясное требование судить о философии и философах по решению ими важнейших гносеологических проблем, видеть их принадлежность к материализму или идеализму вызывает яростные нападки всех современных противников диалектического и исторического материализма. Эти нападки понятны и закономерны. Подобно тому как с помощью проявителя обнаруживаются темные и светлые места на совершенно светлой прежде поверхности фотопленки, с помощью постановки основного вопроса философии и анализа его решения проявляется неприглядная идеалистическая и реакционная сущность современных буржуазных философов. Поэтому ее представители и пытаются объявить основной вопрос философии «метафизическим и бессмысленным», глубоко вредным, мешающим развитию философии и науки, а деление на материалистов и идеалистов давно устаревшим.

Весьма показательно, что современные философские ревизионисты, как и их русские предшественники ещё пятьдесят лет назад, претендуя на творческое развитие марксизма, капитулируют по всем важнейшим направлениям перед буржуазной философией. Порывая с ленинским принципом партийности, они призывают «учиться» у прагматистов и позитивистов, лидеров других модных течений буржуазной философии, отрицают коренную противоположность материализма и идеализма. Например, французский ревизионист Лефевр утверждал, что философию нельзя уложить в «прокрустово ложе материализма и идеализма», югославский философ М. Маркович провозгласил существование «переходных форм» между материализмом и идеализмом. Уже эти факты доказывают, насколько сохраняют свою жизненность и актуаль-

ность ленинские указания и принципы критики буржуазной философии и философского ревизионизма.

Во-вторых, Ленин считал необходимым определить, какое место занимает то или иное учение, философская школа среди других современных течений, выяснить их идейные источники, установить их предшественников. Это требование позволяет еще глубже и полнее разоблачить мнимую новизну и оригинальность, вскрыть действительную сущность самых модных направлений буржуазной философии.

Ленин видел в махизме лишь маленькую школку среди остальных философских школ современности, видел в нем одну из разновидностей широкого течения позитивизма, куда входили и О. Конт, и Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев. Он отмечал, что махизм находится в тесном единении с имманентами, представлявшими одну из самых реакционных идеалистических школ. Что касается идейных предшественников эмпириокритицизма, то решение ими важнейших философских проблем, как показал Ленин, ведет его прямой дорогой к агностицизму Канта, к субъективному идеализму Юма и Беркли.

А как обстоит в этом отношении дело с современной буржуазной философией? Разумеется, идеалистический характер всех ее течений сближает и объединяет их в главном, но не исключает, однако, возможности противоречий и расхождений между ними по второстепенным вопросам. Последнее нельзя преувеличивать, забывая, что главный водораздел лежит не внутри идеализма, а между ним и материализмом. Именно это пытаются отрицать многие из современных ревизионистов, например Лукач (Венгрия). Он считает, что в прошлой и современной истории философии главная борьба идет между рационализмом и иррационализмом, «за или против разума», а не борьба материализма и идеализма.

При такой постановке вопроса в одном лагере оказываются и объективные идеалисты Лейбниц и Гегель, и материалист Спиноза, которые были рационалистами, и даже Маркс; их противниками Лукач считает субъективных идеалистов. Как далеко все это от истины! Только полное отрешение от пролетарской партийности позволяет Лукачу объединять вместе идеализм Гегеля и диалектический материализм Маркса; на деле же марксистский материализм глубоко враждебен и объективному, и

субъективному идеализму, противоречия между которыми третьестепенны.

Очень часто противоречия внутри современной буржуазной философии умышленно преувеличиваются. Если афиширование противоречий между буржуазными партиями позволяет создать иллюзии подлинной демократии, то преувеличение противоречий между различными философскими школами создает иллюзию «свободы мышления». Ведь можно подумать, что при таком положении люди самых противоположных взглядов сами найдут для себя выбор. Некоторые буржуазные философы считают, в частности, что нет более острого противоречия в современной философии, чем противоречия между экзистенциализмом и позитивизмом. Действительно, борьба этих распространенных течений современной буржуазной философии бывает порой очень острой и принимает не только резкие, но и грубые формы. Но что из того? Острота борьбы и грубость сами по себе еще ничего не значат. Пожалуй, трудно кому-нибудь соревноваться в грубости и резкости, взаимной клевете и обвинениях с демократами и республиканцами — двумя партиями в США, борющимися во время предвыборных кампаний за голоса избирателей и тепленькие местечки. И все-таки нет никаких сомнений, что эти две главные партии США ничем существенно не отличаются,— они служат одному и тому же классу буржуазии, одним и тем же интересам денежного мешка.

Так и с борьбой между позитивизмом и экзистенциализмом. Сравнение их точек зрения по поводу главных философских проблем позволяет установить — и об этом подробнее речь пойдет ниже, — что они занимают очень близкие места в едином потоке современного субъективного идеализма, в единой борьбе против диалектического и исторического материализма, в своем служении буржуазии. Общими, в конечном счете, оказываются идейные истоки и позитивизма, и экзистенциализма. Современный позитивизм прямо связан с махизмом, является его продолжением, экзистенциалисты имеют много общего с Авенариусом, а вдалеке и у тех и у других черным пятном маячит поповская сутана епископа Беркли.

В-третьих, Ленин считал совершенно необходимым учитывать отношение той или иной философской школы к науке вообще, и к естествознанию в частности. Крити-

куя Плеханова, он писал: «связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма»...[1]

Между философией и естествознанием существует постоянная органическая связь. Она стала особенно очевидной с конца XIX века, когда началась новейшая революция в естествознании, с ее крутой ломкой старых представлений и знаний, с таким глубоким проникновением в материю, которое постоянно ставит перед учеными много гносеологических, философских проблем.

Всякая революция полна противоречий и трудностей. Это, как показал Ленин, относится и к революции в естествознании, которая, помимо прогрессивной стороны, имеет и реакционную сторону, породившую кризис в естествознании, переход ряда ученых на сторону идеализма. В такой обстановке чрезвычайно ярко выступает теоретическая и методологическая роль философии для естествознания, обнаруживается полная противоположность отношения к открытиям науки идеализма и диалектического материализма. Если первый предает естествознание и, спекулируя на его трудностях, препятствует развитию науки, то диалектический материализм, находя в новейших открытиях естествознания подтверждение своей истинности, указывает науке верный путь дальнейшего развития, путь выхода из кризиса.

Убедительным свидетельством тому служит книга «Материализм и эмпириокритицизм», в которой В. И. Ленин разоблачил реакционные поползновения махистов и других идеалистов по отношению к науке и вместе с тем дал глубокий анализ успехов и трудностей естествознания, рассмотрел с позиций диалектического материализма его важнейшие философские проблемы. Ленин вскрыл также те основные тенденции, которые и до сих пор определяют развитие естествознания.

Ленинское указание на необходимость внимательно учитывать связь всех модных буржуазных философских учений с естествознанием полностью сохраняет свое зна-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 238.

чение в наши дни. За время, прошедшее после выхода книги «Материализм и эмпириокритицизм», наука достигла огромных успехов. Это была эпоха невиданно бурного развития естествознания. Но не исчезли и те причины, которые породили в конце прошлого века кризис в физике, кризис в естествознании. По-прежнему во многих странах существует капитализм, а вместе с ним и реакционная буржуазная философия. Разница лишь в том, что загнивание капитализма и его философии еще более усилилось, они стали значительно реакционнее.

И сейчас, когда наука все глубже проникает в тайны материи, попытки использовать трудности и успехи естествознания в интересах идеализма многократно приумножились. Вряд ли можно назвать теперь хоть одно сколько-нибудь значительное направление в буржуазной философии, которое не считало бы своим долгом при каждом удобном случае обращаться к естествознанию. А что касается неопозитивизма, то он вообще давно претендует на роль единственно возможной и истинной философии науки. Нет нужды доказывать, насколько важно в таких условиях помочь ученым капиталистических стран встать на правильный путь и, разоблачив реакционную роль в науке идеалистической философии, открыть им дорогу к диалектическому материализму.

В-четвертых, Ленин считал, что необходимо определить место той или иной философской школы в борьбе партий, в борьбе материализма и идеализма, а следовательно, определить ее общественную роль, классовый смысл и назначение. Подходя с этих позиций к эмпириокритицизму, Ленин показал, что «... объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности».[1]

Эмпириокритицизм — и от этого не спасают никакие разговоры о надклассовости и беспартийности — был реакционной философией буржуазии эпохи империализма. Эта эпоха продолжается, а вместе с ней сохраняется реакционная империалистическая сущность современной буржуазной философии, которая еще больше, чем махизм, защищает религию, еще более ожесточенно борясь против диалектического и исторического материализма.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 343.

В современных условиях произошло дальнейшее сближение буржуазной философии и империалистической политики.

Таковы четыре точки зрения, с которых В. И. Ленин требовал рассматривать философию махизма. Методологическое их значение в наши дни совершенно очевидно. Но они составляют лишь основу ленинской методологии критики философских противников. Нельзя не учитывать еще некоторых важных моментов, отмеченных Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» и других работах, которые дополняют и расширяют рассмотренные нами основные требования.

Ленин, критикуя махистов и других представителей буржуазной философии, не ограничивался разбором их отдельных высказываний. Он ставил вопрос шире, анализировал всю концепцию. Такой анализ позволяет показать несостоятельность всего учения, порочность всей линии идеализма. Следовательно, смысл ленинского указания состоит в том, чтобы на примере любой идеалистической школы и направления разоблачать идеализм в целом, вскрывать его глубокие внутренние противоречия, острейший конфликт с фактами самой действительности.

Особое внимание Владимир Ильич обращал на правильное истолкование тех фактов, которыми пользуются различные школы буржуазной философии, представители ревизионизма. Это важно потому, что факты, будучи освобождены от тенденциозного их освещения, бьют против тех, кто их искажает. А буржуазная философия и философский ревизионизм не могут не искажать фактов. Самое их назначение — служить защитниками устаревшего капиталистического общества — требует постоянного и умышленного извращения фактов.

Обратимся к современной действительности. Общеизвестно, что в послевоенные годы США и другие капиталистические страны переживали период известного подъема в экономике, период сравнительно высокой конъюнктуры. Представители буржуазной философии и социологии, а вслед за ними и ревизионисты поспешили истолковать это как доказательство того, будто капитализм стал иным, преодолел свои противоречия, вступил в эпоху если не постоянного, то длительного процветания. Марксисты отнеслись к послевоенному росту капиталистической экономики правильно, посчитав его вре-

менным, вызванным преходящими причинами. И они оказались правы, так как за последние годы от недавнего капиталистического процветания не осталось и следа.

Наконец, Ленин требовал, чтобы каждое философское течение рассматривалось в его развитии. Он учил видеть, куда идет данная школа, по какому пути развивается, какие тенденции становятся преобладающими.

Все, что мы сказали о важнейших требованиях ленинской методологии критики философских противников, вытекает из принципа партийности философии и является его конкретизацией. Но вместе с тем принцип пролетарской партийности требует также смело и решительно становиться на определенную точку зрения — точку зрения диалектического материализма, непримиримо выступая против всех и всяческих проявлений идеализма. Неотъемлемым требованием принципа пролетарской партийности в философии является и умение в борьбе против идейных противников творчески развивать марксистскую философию, обогащать ее новыми выводами и положениями, соответствующими новому опыту классовой борьбы, данным науки и общественной практики. Образцом этого служит ленинская книга «Материализм и эмпириокритицизм», опираясь на методологические положения которой, мы рассмотрим характерные черты современной буржуазной философии.

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ, ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Философию нельзя отделить от эпохи и интересов тех классов, которым она служит. Поэтому, когда речь заходит о современной буржуазной философии, главное и определяющее надо искать в том, что она представляет собой философию эпохи империализма, философию нисходящего класса, обреченного историей на неизбежную гибель.

Глубокий и все более развивающийся кризис капитализма, страх перед растущим движением трудящихся масс, перед успехами социализма, обреченность, отсутствие перспективы и одновременно отчаянные попытки удержаться в жизни, спастись, сохранить капитализм, преградив путь социализму, — все это находит свое отра-

жение и своеобразное преломление в современной буржуазной философии, предопределяя ее важнейшие характерные черты.

Уже к середине XIX века в буржуазной философии обнаружился резкий поворот от материализма к идеализму. Этот процесс движения в сторону идеализма не был временным и обратимым. Он лишь усилился в эпоху империализма. Огромные изменения, которые произошли в общественной жизни первой половины XX века, не могли не оказать влияния на буржуазную философию, не привести к новому этапу ее развития. В современной буржуазной философии господствуют наиболее реакционные разновидности идеализма.

Современные идеалистические направления, так же, как и их предшественники, имеют свои специфические особенности, различные оттенки. Однако, если принять во внимание не те или иные специфические особенности различных философских направлений, а их отношение к основному вопросу философии, то станет ясным, что как современная буржуазная философия, так и ее отдельные течения представляют собой наиболее реакционный, утонченный и углубленный вид идеализма.

Одной из характерных черт современной буржуазной философии является *крайняя многочисленность* различных направлений, течений и школ. Даже в рамках одного и того же философского учения существует несколько школ и названий. Так, философию американских бизнесменов Джемс и Пирс назвали прагматизмом, Шиллер — гуманизмом, а Дьюи — инструментализмом. Буржуазные ученые стараются объяснить это творческим расцветом философии. Однако против такого объяснения выступают даже сами некоторые ее представители.

Идеализм объединяет все течения современной буржуазной философии, *он творчески бессилен* в отличие от предшествующих идеалистических учений, что вполне закономерно, так как он призван служить задаче спасения отживающего капитализма. Наличие многих течений современной буржуазной философии не признак расцвета философской мысли, а один из наиболее ярких симптомов ее кризиса.

Идейное содержание буржуазной философии обусловливается реакционной ролью буржуазии и ее страхом перед народными массами, ее враждебностью к социа-

листическому строю. Это определяет еще одну отличительную черту современных направлений буржуазной философии — ее антимарксистский, *антикоммунистический характер*. Всех буржуазных философов объединяет то, что все они понимают невозможность вести борьбу против победного шествия диалектического материализма и научного коммунизма только с помощью идеалистических теорий прошлого. И они пытаются прибегнуть к «новым» средствам, при помощи которых, по их мнению, можно было бы успешно вести борьбу против философии марксизма, обосновать правильность идеалистических взглядов.

Во имя этой цели они используют все, и особенно успехи науки и трудности ее роста. Ленин писал в статье «О значении воинствующего материализма»: «. . .из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица».[1] К таким школам, получившим наиболее широкое распространение в капиталистических странах, относятся неопозитивизм, прагматизм, экзистенциализм, персонализм, неотомизм.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин подверг сокрушительной критике существовавшие и зарождавшиеся разновидности идеализма, вскрыл идейные истоки и теоретические основы махизма и его преемника — современной буржуазной философии. Указывая на то, что теоретико-познавательными корнями всякого идеализма является игнорирование роли практики в познании, метафизический подход к решению философских проблем, преувеличение одной из черточек познания и т. д., Владимир Ильич отмечал, что махизму присущи и свои специфические корни, — он был связан с кризисом в естествознании, и прежде всего в физике.

Реакционные философы, основатели эмпириокритицизма Мах и Авенариус, выступили в то время, когда гегелевский идеализм был уже разгромлен. Его критика Марксом и Энгельсом была настолько сокрушительна, что прямой возврат к нему означал самоубийство. Поэтому был выдвинут призыв «назад к Канту». Мах, Авенариус, Петцольд и другие представители эмпирио-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 206.

критицизма подвергли Канта критике за то, что он допускал существование вне и независимо от сознания «вещи в себе», материи. Вместе с тем махисты уцепились за идеалистические взгляды Канта, за его положения о непознаваемости «вещи в себе», о том, что закономерность, необходимость, причинность зависят только от сознания.

Махисты опирались на субъективно-идеалистические взгляды не только Канта, но и Беркли и Юма. Основной вопрос философии они решили, по существу, так же, как и все предшествующие субъективные идеалисты. Но они не уставали твердить, будто бы «поднялись» выше материалистов и идеалистов. Это был один из основных приемов в борьбе против теоретических основ диалектического материализма, против принципа партийности философии.

В. И. Ленин последовательно и убедительно доказал, что махисты не являются представителями третьей линии в философии, что такой в истории философии вообще не было и не может быть; Ленин разоблачил мнимую беспартийность махистов, показав, что они тесно связаны с реакционнейшим направлением в философии — школой имманентов.

Имманенты, как и религия, признавали реальность потустороннего мира, «доказывали» бессмертие души, «обосновывали» спиритизм. И в этом единодушны были с ними махисты. Критикуя новоявленных проповедников религии, В. И. Ленин писал: «...имманенты — самые отъявленные реакционеры, прямые проповедники фидеизма, цельные в своем мракобесии люди. Нет *ни одного* из них, который бы не подводил *открыто* своих наиболее теоретических работ по гносеологии к защите религии, к оправданию того или иного средневековья».[1]

Выяснив, с кем объединились махисты в общий философский лагерь, и раскрыв их идейные истоки и теоретические основы, Ленин показывал, куда идет эмпириокритицизм.

После обстоятельной и сокрушительной критики Лениным эмпириокритицизма и всех его разновидностей (эмпириосимволизма, эмпириомонизма и других) реакционная сущность махизма стала настолько очевидной,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 199.

что от него в значительной мере отвернулись не только трудящиеся и часть интеллигенции, но даже наиболее дальновидные буржуазные философы.

Для защиты отживающего буржуазного строя его идеологам потребовались новые философские учения. Но так как философия как форма идеологии имеет относительную самостоятельность в своем развитии, то появление ее новых школ обусловливается не только классовыми потребностями, но и определенной преемственностью. Она проявляется в том, что современная буржуазная философия в основном имеет те же идейные истоки и теоретические основы, что и эмпириокритицизм, к которому непосредственно примыкает ряд ее течений. Вот почему не меркнет, а возрастает роль ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм» в борьбе с современным идеализмом.

Внутренняя связь современной буржуазной философии с махизмом признается самими ее представителями. Позитивист Нейрат, активный участник «венской школы», пишет: «К антиметафизическим (надо читать: антиматериалистическим — *А. Г., Ю. М.*) устремлениям Эрнста Маха, или Авенариуса, или Пуанкаре примыкают в настоящее время такие философы, как Рассел (Англия), Рейхенбах (Берлин) ... прокладывая путь достоверному миропониманию». В 1938 году, на одном из международных философских конгрессов в Кембридже, другой видный философ-неопозитивист, Франк, говорил: «В столетний юбилей рождения Эрнста Маха мы не вправе забывать или недооценивать тот факт, что Мах еще вполне жив сегодня».

Несмотря на то, что, по существу, современная буржуазная философия (речь, конечно, идет преимущественно о субъективном идеализме) имеет те же самые идейные истоки, теоретические и классовые основы, что и махизм. Она обладает и некоторыми особенностями, отличающими ее от эмпириокритицизма.

Эволюция буржуазной философии привела к созданию новейших идеалистических направлений, в том числе и неопозитивизма. Наиболее широкое распространение он получил среди буржуазной интеллигенции до второй мировой войны в ряде европейских стран, а позже в США.

Неопозитивизм не что иное, как продолжение, развитие и углубление эмпириокритицизма. Махистская критика материалистического понимания ощущения была дополнена им критикой логического мышления. Таким образом, борьба против диалектического материализма приняла более широкий размах, охватывая и сферу рационального познания.

Для отрыва суждений от объективной реальности неопозитивисты применяют те же методы и приемы, которые применялись махистами для отрыва ощущений от объективного материального мира. Логическую связь идей неопозитивисты отрывают от связи вещей. Логика вырастает у них не из знания, подтверждаемого опытом, а вносится в него; тем самым теряется всякая объективность логического мышления. Из науки логика превращается в результат соглашения между людьми, она приобретает чисто условный характер.

Подобную идеалистическую концепцию мы видели еще у Маха, в его «принципе экономии мышления», согласно которому из науки должно быть изгнано все то, что противоречит этому принципу. О мышлении махисты судили не по его содержанию, не по тому, верно или нет оно отражает объективный мир, а исключительно по тому, «экономно» оно или нет.

Критикуя подобные взгляды, Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» всесторонне обосновал и неопровержимо доказал, что наука существует только там, где нет произвола, где правильно отражается действительность, что наиболее экономно такое мышление, которое носит характер объективных истин. Эти положения чрезвычайно важны и для критики современного неопозитивизма.

Эволюция позитивизма шла также по пути перерастания в семантический идеализм, ничего общего не имеющий с действительным развитием современного языкознания.

Семантическая философия, как и эмпириокритицизм, отвергает материю и материализм. Различие между ними лишь в приемах, при помощи которых они приходят к идеализму. Эмпириокритицизм использует для этого фальшивый анализ чувственного опыта, логический позитивизм — фальшивый анализ мышления, а их последователи, семантики, делают то же самое, с той лишь

разницей, что в основу кладут игру слов с помощью теории «двух языков».

Что это за теория? Она выполняет у семантических идеалистов двоякую функцию. Во-первых, эта теория утверждает, что слова и словесные выражения неадекватны материалистическим и научным суждениям. Они утверждают, что слово «материя» — не материя, «физическое» — не физическое и т. п. Семантики отвергают общие понятия, они стремятся лишить всякого смысла важнейшие научные категории, понятия «материя», «закон», «причинность», «капитализм», «классовая борьба», «война». Все это делается для того, чтобы дискредитировать диалектический материализм, который учит, что язык есть материальная форма мысли, отражение действительности.

Теория семантиков имеет и другое назначение — показать, что борьба двух основных направлений в философии идет не потому, что люди имеют различные идейные убеждения, а потому, что они не понимают друг друга, так как слова, по их «учению», не отражают действительности и все существующие языки несовершенны. Являясь новейшей разновидностью субъективного идеализма, семантическая философия, как и махизм, как и весь неопозитивизм, выдает себя за третью линию в философии.

Одной из разновидностей неопозитивизма является прагматизм, наиболее широкое распространение получивший среди буржуазии США. Ленин еще в 1908 году предвидел опасность распространения этого вида идеализма. Он отмечал, что представители прагматизма на деле используют махизм. Подвергая критике этот вид субъективного идеализма, вскрывая своеобразие его борьбы с материализмом, Владимир Ильич писал: «Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское течение вообще, *опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема,* на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности», и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики»...[1]

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 327.

Указав на общие идейные и теоретические основы махизма и прагматизма, Ленин, вместе с тем, отмечал, что между ними существуют и различия, хотя они и ничтожны и десятистепенны. Махизм, так же, как и классический идеализм и большинство современных буржуазных философских теорий, в основном оперирует отвлеченными понятиями, категориями, непосредственно не связанными с повседневной жизнью людей. Прагматизм же поступает наоборот. Он отрицает реальность философских категорий, отражающих основы мира, и признает лишь те категории, которые непосредственно связаны с повседневной и конкретной жизнью людей, с проблемами современного капитализма.

Наиболее широко прагматизм оперирует такими категориями, как «практика» и «теория», «активность» и «пассивность», «свобода» и «необходимость», «средство» и «цель», «идеи» и «эмоции» и т. п. Рассматриваемые ими категории вначале разрываются, а затем превращаются в метафизические противоположности. Так, неразрывно связанные между собой, теория и практика отрываются друг от друга. Практика рассматривается лишь как чисто практическая деятельность, причем упор делается на те практические знания, которые непосредственно ведут к удовлетворению желаний сегодняшнего дня, к обогащению. Отсюда прагматисты приходят к выводу: практика — это то, что приносит успех при осуществлении задуманного «бизнеса». Заметим, понятия «практика» и «истина» у прагматистов отождествляются. Прагматисты призывают американцев к приобретению практических знаний, объясняя это тем, что они обеспечивают успех, и, вместе с тем, учат тому, что абстрактные знания уменьшают практическую эффективность и вносят разброд в умы людей.

Так же метафизически поступают прагматисты и с другими философскими категориями.

Различие между прагматизмом и эмпириокритицизмом состоит еще и в том, что прагматизм для оправдания своих субъективно-идеалистических взглядов использует кризис не только в физике, но и в психологии.

Буржуазная психология игнорирует материалистическое учение о высшей нервной деятельности. В основу поведения человека она положила его инстинкты. У. Джемс характеризует сознание человека чертами,

присущими капиталисту, утверждая, что они являются врожденными человеческими инстинктами. Психолог Фрейд пошел еще дальше. Сознание человека он характеризует самыми низкими, патологическими инстинктами, делая упор на извращенные сексуальные стремления и пагубные инстинкты. Антинаучные психологические теории У. Джемса и Фрейда использовались идеалистами в прошлом очень широко. Они используются прагматистами и сейчас для внедрения в сознание всех классов американцев самых низменных патологических инстинктов. Этим отчасти и объясняется тот факт, что в США и других капиталистических странах кино и телевидение, бульварные журналы и газеты уделяют значительное внимание проблемам пола и насилия.

Использование кризиса в психологии, в отличие от использования кризиса в физике, открывает широкую возможность для буржуазной философии распространять субъективный идеализм не только в рядах интеллигенции, но и среди людей всех профессий и классов.

Так прагматизм из академической философии превращался в своеобразную философию жизни, в распространенный тип мышления американцев. Прагматизм стал господствующей в США философией, составной частью воздуха, которым дышат американцы. Хотя в последнее время позиции прагматизма заметно ослабли, но он распространен и сейчас.

В этих условиях возрастает значение книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Американский марксист Гарри Уэллс в своих работах показывает ту огромную роль, которую сыграла ленинская книга в борьбе с прагматизмом. Руководствуясь ее теоретическими положениями, коммунисты США подвергли прагматизм сокрушительной критике. Они показали, что претензия его лидеров Д. Дьюи, С. Хука и других подняться выше материализма и идеализма не что иное как фиговый листок, которым они стараются прикрыть идеалистическую сущность прагматизма.

В последние годы особое внимание Коммунистическая партия США уделяла критике прагматического ревизионизма. Враги марксизма, пытавшиеся подменить диалектический материализм прагматизмом, были исключены из рядов Коммунистической партии.

Борьба с прагматизмом является одной из важнейших идеологических задач Коммунистической партии США на современном этапе.

Кроме неопозитивизма, к основным направлениям современной буржуазной философии относится и экзистенциализм.

После второй мировой войны он стал самым влиятельным и модным буржуазным философским течением в Западной Европе, особенно во Франции и Федеративной Республике Германии. Его видными представителями являются Ясперс, Хейдеггер, Сартр, Камю.

Распространению экзистенциализма способствовало то, что он, с одной стороны, весьма созвучен в своих глубоко пессимистических выводах тем настроениям страха перед будущим, неуверенности в завтрашнем дне, чувствам обреченности, которые имеют широкое хождение среди определенных кругов современной буржуазии и буржуазной интеллигенции. С другой стороны, экзистенциалисты, в отличие от сторонников неопозитивизма, в известной степени связанных с наукой, подвизаются главным образом в области этических проблем, искусства и литературы. Это способствует распространению экзистенциализма в кругах творческой интеллигенции, а также среди молодежи.

Пессимистическая, упадочническая философия экзистенциализма оказывает на людей деморализующее воздействие.

Экзистенциализм во всех его разновидностях ставит перед собой задачу — задержать идейное наступление марксизма и обеспечить буржуазии Запада духовное руководство миром. В основу своих взглядов это «новое» философское течение положило субъективно-идеалистические идеи, во многом совпадающие с махизмом.

Один из наиболее видных и влиятельных лидеров экзистенциализма Карл Ясперс (Западная Германия) в книге «Философская вера», опубликованной в 1954 году, проповедует старые субъективно-идеалистические взгляды Авенариуса, изложенные в «теории» «принципиальной координации». Ясперс пишет: «Все, что я знаю... есть предмет (объект) для меня, явление, *а не вещь сама по себе* (подчеркнуто нами — *А. Г* и *Ю. М.*). Но в противопоставлении «субъект — объект» объект и субъект связаны между собой. Нет объекта без

субъекта, но нет также и субъекта без объекта». То же самое утверждал Авенариус еще в 1894 году. «Философски выражаясь, — писал он, — можно сказать „*я* и *не-я*“». И то и другое — и наше *я* и среду — мы *«всегда* находим вместе».

Критикуя «теорию» принципиальной координации Авенариуса, Ленин отмечал, что из нее следует только один вывод, — нет объекта без субъекта, внешний мир не существует сам по себе, объект — это комплекс моих ощущений.

Ленинская критика идеалистических взглядов Авенариуса целиком и полностью относится и к теории Ясперса о неразрывной связи объекта и субъекта. Вопрос, существовала ли природа до человека, который поставил Ленин перед махистами и требовал от них ответа на него, — в полной мере относится и к экзистенциалистам, так как и по их «учению» нет объекта без субъекта. Если экзистенциалистам, при ответе на этот вопрос, сказать — да, природа существовала до человека, — значит отказаться от собственной философии, признать, что возможно существование объекта без субъекта. Если же дать противоположный ответ, — значит впасть в разрыв с естественными науками, давно уже доказавшими, что природа существовала до человека. Ленинская постановка вопроса разоблачает антинаучный характер взглядов идеалистов и в прошлом и в настоящее время.

Не в меньшей мере ленинская критика махизма относится к экзистенциализму и по вопросу свободы и необходимости.

Экзистенциалисты проповедуют отрицание причинности, закономерности. Воля в их понимании — это не осознание необходимости, а полная, абсолютная свобода действий, которые не сообразуются с законами природы и общества. Экзистенциалисты всячески стараются доказать, что в капиталистическом обществе каждый человек свободен, а в социалистическом нет. Причем в доказательство они приводят такие рассуждения: в социалистическом обществе все должны работать, трудиться должен и тот, кто не хочет, что касается капиталистического общества, то в нем человек, если хочет работать, — работает, а если не хочет, — не работает.

«Свобода» трудящихся в капиталистическом мире, свобода «хочу — работаю, хочу — не работаю» напоми-

нает «свободу» человека, заключенного в одиночную камеру, — он по своему усмотрению выбирает маршрут для прогулки в камере. Захочу — пойду по прямой, а если не захочу пойти по прямой, — пойду по диагонали. И это экзистенциалистами называется свободой! Большего издевательства над великим словом «свобода» трудно и придумать.

Экзистенциалистское понятие свободы не ново в философии. Это тот же субъективный идеализм, который в свое время проповедовался Махом, Авенариусом, Петцольдом и другими.

В нашем, марксистско-ленинском понимании свободен тот, кто действует, сообразуясь с законами природы и общества. Только в условиях социалистической действительности для трудящихся возможна подлинная свобода. Что касается трудового народа капиталистических стран, то он не может быть подлинно свободным в условиях господства частной собственности и эксплуатации. Н. С. Хрущев говорил на XXI съезде партии: «...в странах капитала имеется свобода, но для кого? Не для рабочих, конечно, вынужденных идти в наем к капиталисту на любых условиях, лишь бы не оказаться среди огромной армии „свободных" от работы людей. И не для крестьян, над которыми висит постоянная угроза „освобождения" от своего хозяйства в результате разорения. И не для интеллигенции, творческая деятельность которой зажата в тиски материальной зависимости от денежного мешка и „духовного руководства" различных комиссий по проверке лояльности. Свобода в капиталистических странах существует лишь для тех, кто имеет деньги, а следовательно, власть».[1]

Анализ взглядов современных идеалистов показывает, что значение работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» неизмеримо возросло не только для критики всех форм субъективного идеализма, позиции которого сейчас значительно ослабели, но и для критики различных направлений объективного идеализма, влияние которого за последнее время возросло.

Современный объективный идеализм, так же, как и современный субъективный идеализм, обе стороны основного вопроса философии решает идеалистически. Разли-

[1] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС». Госполитиздат, 1959, стр. 75

чие состоит лишь в том, что объективный идеализм, в отличие от субъективного идеализма, исходит не из ощущений субъекта, а из всемогущего разума, из того, что Гегель назвал абсолютным духом, а религия — богом. Поэтому объективный идеализм не ставит природу и ее законы в непосредственную зависимость от субъекта, а лишь, в конечном счете, ставит ее в зависимость от бога. Идеализм в этой форме не столь откровенно противоречит современной науке, как субъективный идеализм. Частично этим и объясняется обращение к объективному идеализму ряда ученых капиталистических стран. Разочаровавшись в позитивизме и не умея найти дорогу к диалектическому материализму, они ищут спасения в объективном идеализме. Если также учесть, что современный объективный идеализм непосредственно связан с религией и церковью, пользуется его поддержкой, то становится понятным усиление его влияния в последние годы.

Наиболее распространенные формы современного объективного идеализма нашли свое выражение в неотомизме и персонализме.

Специфическая особенность персонализма заключается в признании «личности» первичной реальностью. «Личность» трактуется персонализмом как первооснова, как духовный первоэлемент бытия. В противоположность материалистическому пониманию, рассматривающему природу как бесконечную совокупность материальных предметов, персонализм считает ее как совокупность духов — «личностей». Фальсифицируя естествознание, персоналисты утверждают, что движущая сила физиологических и биологических, то есть, по существу, всех явлений природы, состоит в духовном начале. Они отрицают закономерности развития предметов и явлений, проповедуют теологию, такой религиозно-идеалистический взгляд, согласно которому развитие явлений природы происходит в соответствии с заложенными в них целями.

Все современные буржуазные философские направления проповедуют религию, но персонализм делает это открыто. Вот почему его часто называют религиозной философией. Над множеством личностей, по мнению персоналистов, образующих мир, стоит «верховная личность» — бог, творец, обладающий разумом и волей.

Ленинская критика идеализма Беркли, данная в труде «Материализм и эмпириокритицизм», имеет большое значение для критики современного персонализма. Ленин писал: «Выводя „идеи“ из воздействия божества на ум человека, Беркли подходит таким образом к объективному идеализму: мир оказывается не моим представлением, а результатом одной верховной духовной причины, создающей и „законы природы“ и законы отличия „более реальных“ идей от менее реальных и т. д.».[1]

Персонализм пропагандируется в Англии, Западной Германии, Франции и других капиталистических странах, но особенно в США. Наиболее видными его представителями в США являются Р. Флюэллинг и В. Брайтмен. На их деятельности можно проследить прямую связь персонализма с защитой капиталистического строя.

Марксистско-ленинскому учению о революционном преобразовании общественных отношений они противопоставляют идеалистический вывод, будто надо изменять не мир, а «личность», душу. Надо, как они говорят, совершенствовать ее. Теория «духовного совершенствования» личности преследует цель отвлечения трудящихся от их жизненных интересов, от социального и политического освобождения, от революционной борьбы за свое право на свободную жизнь, от борьбы за мир и демократию во всем мире, от борьбы против изготовления и испытания атомных бомб.

Переводя философскую терминологию на политический язык, Флюэллинг пишет: «Опасность в настоящее время исходит не столько от существования бомб, сколько от порочности людей». Итак, нечего бороться против империализма, стремящегося развязать атомную войну; вместо этого надо заняться, учат персоналисты, переделкой греховной человеческой души с помощью воспитания смирения и покорности «божественной воле».

Не менее реакционный характер носит и неотомизм. Неотомисты воскрешают учение католического богослова, средневекового схоласта Фомы (Томаса) Аквинского (1225—1274). Они реставрируют томизм так, чтобы при помощи его можно было защитить умираю-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 20.

щий капитализм и вести борьбу против материалистических идей научного коммунизма.

Неотомисты Коллинс, Маритэн, Веттер и другие утверждают, что Фома Аквинский проложил дорогу к различию между богословской и философской мудростью. Поясняя, в чем состоит различие между ними, он указывал на то, что богословская мудрость начинается с рассмотрения бога и от этого отправляется к изучению его творений, а философская мудрость, наоборот, начинается с изучения божественных творений и лишь в конце приходит к постижению бога. Нетрудно заметить, что между богословской и философской мудростью различия по существу нет.

Неотомисты, так же, как и персоналисты, ставят философию на службу религии.

Одной из главных идей неотомистов является идея «гармонии» религии и науки. Они утверждают, что им удалось примирить их. Наиболее ярко это выразил французский неотомист Ж. Маритэн. Он считает, что неотомисты занимаются «сущностью чувственного и изменяющегося бытия», но сущность неизменна, непознаваема и является духовным субстратом, связывающим воедино природу и ее творца.

Неотомисты стараются изгнать материю из природы и положить в ее основу дух.

Критикуя объективный идеализм, В. И. Ленин указывал, что подлинная наука всегда находилась в непримиримом противоречии с религией и на всех этапах своего развития неопровержимо доказывала, что субстанцией мира является не бог или другие надуманные сверхъестественные силы, а вечно объективно существующая реальность — материя.

Широкое распространение неотомизм получил в США, Италии, Франции, Испании. Его центром является Ватикан, рассматривающий неотомизм как официальную философию католицизма. Неотомизм особенно ярко выражен в деятельности западногерманского канцлера Аденауэра. «Аденауэр, — говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС, — является лидером христианско-демократической партии. Казалось бы, он должен руководствоваться евангельскими поучениями, о которых так много любят распространяться в его партии. А на деле этот «христианин» в одной руке дер-

жит крест, а в другую хочет взять атомную бомбу. И больше всего он рассчитывает именно на бомбу, хотя такие взгляды отнюдь не соответствуют ни евангельским проповедям, ни решению национальной задачи немецкого народа».[1]

Неотомисты не только активные воители против прогрессивных идей, но и идеологи агрессивных империалистических кругов, противники мирного сосуществования. Они обвиняют коммунистов в отсутствии политического реализма, в утопическом подходе к миру, ибо коммунисты, утверждают неотомисты, хотят устроить на земле рай, что, как известно, по их учению, невозможно. Неотомисты демагогически объявляют, что они выступают противниками не только коммунизма, но и капитализма, что они за «средний путь». Но «средний путь» у них представляет не что иное, как идеализированное буржуазное общество, которое, на их взгляд, может быть преобразовано в интересах всех трудящихся с помощью христианской религии. Следовательно, неотомисты отнюдь не ставят целью ликвидировать экономическую основу эксплуатации человека человеком, они лишь освящают и приукрашивают частнособственнический строй.

С точки зрения неотомистов борьба между классами капиталистического общества объясняется забвением христианских заповедей, упадком религиозной веры, распространением атеизма, материализма и особенно марксизма, который, как заверяют неотомисты, является наваждением, порождающим распри среди «детей христовых».

Такова социальная демагогия неотомизма, одного из основных течений современной буржуазной философии.

Во всех капиталистических странах существуют не только различные буржуазные философские направления. В непримиримой борьбе с идеализмом растет и крепнет диалектический материализм. Борьба эта началась давно, еще в прошлом веке. Ныне она является особенно острой. Империалисты на практике убедились, что марксистско-ленинская философия не только знамя, но и непобедимое оружие в руках рабочего класса и всех трудящихся. Вот почему против марксистско-ле-

---

[1] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», стр. 67.

нинской философии объединились все буржуазные философские направления.

Рост и укрепление лагеря социализма, сил демократии, успехи народов в борьбе против колониализма за свое освобождение создают реальные возможности для более широкого проникновения марксистско-ленинских идей в широкие массы трудящихся. Эти возможности компартии превращают в действительность. Авторитет лагеря социализма и марксизма растет и все более завоевывает сердца и умы простых людей.

Если марксизм распространяется все шире и глубже, то буржуазная идеология терпит поражение за поражением. Это вынуждены признавать и многие буржуазные философы. Так, американский философ Р. Нибур пишет: «Мы стоим . . . на передней линии фронта, но наше идеологическое оружие часто оказывается столь же негодным, каким оказались копья рыцаря, когда порох бросил вызов их господству».

Признавая рост влияния марксизма и негодность старых средств в борьбе с марксистско-ленинской философией, буржуазные философы изыскивают новые методы. Основным их средством «критики» марксизма ныне стала беззастенчивая и самая наглая клевета. Например, неотомисты изображают марксизм-ленинизм извращенным религиозным учением, «теологией дьявола»; прагматист С. Хук заявляет о мнимой несовместимости материализма с естествознанием.

Буржуазными философами написаны горы книг, в которых они стараются опровергнуть марксистско-ленинскую философию: философы Ватикана пытаются сделать это в коллективном труде «Философия коммунизма», в таких книгах, как сочинения Веттера «Диалектический материализм, его история и его система в Советском Союзе», Бохенского — «Введение в современную советскую философию», прагматиста С. Хука в книге «Диалектический метод и наука» и т. д.

Подобные «критические» работы безусловно оказывают известное влияние на зарубежного читателя, но они не в состоянии ни остановить, ни затормозить процесс распространения передовых идей. В капиталистических странах против буржуазной философии выступают видные философы-марксисты —такие, как П. Тольятти, Р. Гароди, Ж. Коньо, М. Корнфорт.

Внутри буржуазной интеллигенции происходит процесс разложения. Из ее среды выдвигаются мыслители, которые в своих социально-политических взглядах по некоторым вопросам противостоят идеологии империализма. Так, идеи мирного сосуществования, идеи демократии отстаивают и американские философы Ральф Б. Перри и Корлис Ламонт и другие философы различных стран, хотя они и стоят не на марксистских позициях. Не исключено, что их правильные взгляды на вопросы, касающиеся современности, будут способствовать и эволюции их философских взглядов в сторону материализма. Подобные факты в истории новейшей философии уже имелись. На идеалистических позициях в свое время стояли американские философы Гарри Уэллс, Берроуз Данэм, Джон Сомервилл, японский философ Янагидо Кэндзюро. Они, как и другие мыслители, порвали с идеализмом и подвергли в своих работах критике современные буржуазные идеалистические направления. Многие из них стали настоящими марксистами и достойно ведут борьбу с буржуазной идеологией, умело используя в этих целях ленинскую работу «Материализм и эмпириокритицизм».

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Одно из центральных мест в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» занимают проблемы естествознания, в связи с которыми Владимир Ильич рассматривает борьбу материализма и идеализма, вскрывает отношение буржуазной философии и философского ревизионизма к трудностям и достижениям естественных наук, показывает величайшую роль диалектического материализма для развития естествознания.

Такое внимание Ленина к философским вопросам естествознания вполне закономерно. Оно определяется рядом обстоятельств. Во-первых, философия всегда зависела от естествознания и в свою очередь оказывала на него самое серьезное воздействие; между ними существовала и существует непосредственная взаимосвязь. Поэтому на любом этапе развития философской мысли анализ того или иного философского учения не может быть достаточно полным и глубоким, если не берется

в расчет отношение его к естествознанию. Это — общеметодологическое требование марксистской истории философии. Во-вторых, на рубеже XX века в естествознании произошла революция, которая была связана с неизмеримо более глубокой ломкой научных представлений и взглядов, чем когда-либо в прошлом. Она выдвинула множество новых и трудных теоретико-познавательных проблем, требовавших именно философского осмысления и решения. В-третьих, революция в физике, естествознании была связана не только с успехами науки, но и с огромными трудностями, нерешенными вопросами. Она протекала в обстановке наступления реакции, порожденной эпохой империализма, усиления влияния идеалистической философии и религии. В этих условиях чрезвычайно обострилась борьба партий в философии, борьба материализма и идеализма вокруг естественнонаучных вопросов, которые самой жизнью выдвигались на первый план. Таковы причины, заставившие Ленина с особым вниманием отнестись к философским вопросам естествознания. Эти причины действуют и сейчас. Они побуждают философов-материалистов, следуя Ленину, так же внимательно относиться и к естественнонаучным проблемам.

В чем же заключается взаимосвязь философии и естествознания, какое влияние они оказывают друг на друга?

Еще Энгельс отмечал, что на протяжении длительного времени — от Декарта до Гегеля и от Гоббса до Фейербаха — философов толкало вперед главным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности. Он специально подчеркивал, что у материалистов это прямо бросается в глаза. Зависимость материалистической философии от уровня естествознания действительно непосредственная. Конечно, предмет их не одинаков, но материалистическую философию и естествознание объединяет и сближает уже то, что они изучают природу, ее различные объективные законы. К тому же действительная наука, вырастающая из практики и постоянно связанная с ней, по существу своему материалистична. Стихийно или сознательно, соответственно своим философским взглядам или вопреки им, ученый, изучающий природу, должен признавать ее реальное существование, познаваемость ее законов. Он должен хотя бы в своих непосредственных, специаль-

ных исследованиях и экспериментах стоять на позициях материализма.

Наука дает философии конкретные знания, факты и теории, без которых философская мысль не может развиваться, теряет почву для обобщения. Известно, например, что успехи естествознания конца XVIII века и первой половины прошлого века, и прежде всего открытие клеточного строения живых организмов, закона сохранения и превращения энергии, эволюционное учение Дарвина, подготовили необходимые условия для диалектико-материалистического понимания природы, послужили важными предпосылками революционного переворота в философии, совершенного марксизмом.

Огромное значение для дальнейшего развития диалектического материализма имела и имеет начавшаяся в конце прошлого века революция в естествознании, которая продолжается и сейчас. Теория относительности и квантовая механика, ядерная физика и достижения астрономии, успехи химии и биологии, как и многие открытия других наук, дают богатейший материал для философских обобщений, для развития диалектического материализма.

Но было бы ошибочным считать, что развитие естествознания не создает никакой почвы, на которой могли бы произрастать метафизические и идеалистические, порой просто религиозные философские учения. Само по себе естествознание глубоко враждебно метафизике, идеализму и религии, опровергает их на каждом шагу. Но его развитие связано с появлением определенных трудностей, слабостей и недостатков, неизбежных при всяком движении вперед, что являлось и является предметом настойчивых спекуляций. Например, механистическое естествознание было бессильно объяснить происхождение солнечной системы, возникновение жизни, появление человека. Эти слабости и служили основой для долгого существования идеи божественного первотолчка, который якобы привел планеты и Солнце в движение, идеи божественного сотворения жизни и человека.

В прошлом, однако, идеализм, как правило, использовал лишь трудности и нерешенные вопросы естествознания. С конца XIX века, когда, вместе с новейшей революцией, в естествознании произошел кризис, положение существенно изменилось. Уже не только трудности,

но и крупные достижения науки стали использоваться для нужд идеализма. В этом глубоко проявились сложность и противоречивость развития естествознания в эпоху империализма.

Революция в естествознании, как отметил Ленин, была чрезвычайно прогрессивным явлением в развитии науки. Открытие радиоактивности, доказавшей превращаемость химических элементов, открытие электронов, свидетельствовавшее о сложности, делимости атомов, открытие изменчивости массы — все это коренным образом ломало старые метафизические представления о материи и природе. Эти открытия означали огромный шаг к окончательной замене метафизического материализма, которого придерживались стихийно многие естествоиспытатели, диалектическим материализмом. «Современная физика лежит в родах, — писал Ленин. — Она рожает диалектический материализм».[1]

Но в определенных исторических условиях прогресс науки может стать источником реакционных философских выводов, может быть использован идеализмом. В этом, собственно, и состоял кризис естествознания. В. И. Ленин писал: «*Суть* кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом».[2] Причины кризиса были двоякого рода — социальные и гносеологические; первые связаны с реакционностью самой эпохи империализма, вторые — главным образом с незнанием диалектики.

Многие естествоиспытатели, не сумев отрешиться от старых, метафизических представлений, споткнулись на принципе релятивизма, признав относительность научных знаний, отбросили момент абсолютного и, следовательно, объективного в них. Это привело их к идеализму и агностицизму. Кроме того, широкое проникновение математических методов исследования в область физики, бесспорно являющееся положительным фактом, при незнании диалектики также открывало возможность сползания на позиции идеализма. Однобоко сводя все лишь к количественной стороне и забывая о качествен-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. т. 14, стр. 299.
[2] В. И. Ленин. Там же, стр. 245.

ной, многие физики, используя математику, отрывали ее от объективного мира. И, как следствие, вместо материи оставались одни формулы, уравнения.

Так новейшая революция в естествознании явилась и замечательным подтверждением правоты диалектического материализма, и одновременно оказалась связана с серьезным кризисом, следствием которого было появление физического идеализма. Связь современного «физического» идеализма с кризисом современной физики общепризнана, писал Ленин. Но он одновременно считал необходимым отметить, что кризис в естествознании не будет продолжаться вечно, что крен в сторону идеалистической философии вызван болезнью роста, временно порожден крутой ломкой старых, установившихся понятий. Ленин предсказывал: «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим».[1]

В настоящее время открытия квантовой механики и ядерной физики, как и открытия других наук, расширили проникновение человека в тайны природы, способствовали развитию диалектико-материалистического взгляда на материальный мир и вытеснению остатков метафизических представлений. Новый этап продолжающейся революции в естествознании самой логикой развития научных исследований толкает естествоиспытателей к диалектическому материализму. Речь, конечно, идет об ученых капиталистических стран. В Советском Союзе и в других странах социалистического лагеря диалектический материализм стал господствующим мировоззрением среди естествоиспытателей.

Вместе с революцией продолжает сохраняться и кризис в естествознании капиталистических стран. Он перестал иметь общий характер, так как причины, его породившие, существуют только в капиталистических странах. В этом лишнее свидетельство правоты ленинского предвидения о временности кризиса естествознания. В этом же и лишнее доказательство того, что пока сохраняется империализм с его реакционностью, с его идеалистической

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 292.

философией и сильнейшим влиянием религии, полностью преодолеть кризис естествознания невозможно.

Более того, в некоторых отношениях кризис естествознания усилился, а связанный с ним и существующий поныне физический идеализм приобрел еще более реакционные черты, зачастую пошел по пути прямого смыкания с религией, с поповщиной. Так, немецкий физик Иордан заявлял, что современная квантовая физика пробивает брешь для бога в материалистическом взгляде на природу. Спекуляциями на открытиях естествознания и его трудностях усиленно пытаются заниматься в настоящее время церковники.[1]

Следовательно, ленинский анализ положения в естествознании позволяет понять, какое влияние оказывают успехи и трудности естественных наук на философию, на борьбу материализма и идеализма в современных условиях.

До сих пор мы останавливались на зависимости философии от естествознания. В чем же состоит обратное влияние философских течений на науку о природе? Это влияние совершенно противоположно со стороны материализма, а в современных условиях — диалектического материализма и со стороны идеализма.

Движение научного познания идет от конкретного к абстрактному, то есть от специальных знаний к широким теоретическим обобщениям, и вместе с тем имеется и противоположное движение познания от абстрактного к конкретному — от общих теорий к специальным исследованиям. Таким образом, сам путь движения научного познания делает совершенно неизбежным переход от конкретных наук к философии, а от нее — к конкретным наукам.

---

[1] Показательна в этом смысле речь покойного папы Пия XII «Доказательства существования бога в свете данных современной науки», произнесенная перед папской академией наук в Ватикане 22 ноября 1951 года. Весьма превратно, в духе теории «тепловой смерти» Вселенной, истолковав второе начало термодинамики, в теологическом духе осветив явление «красного смешения», Пий XII пришел к выводу, что современная наука якобы доказывает сотворение мира во времени, а одновременно и существование бога. Он с пафосом восклицал: «Таким образом, творение во времени; а поэтому и творец; и, следовательно, бог! Вот те слова, — еще несовершенные и не совсем отчетливые, — которых мы требуем от науки и которых наше поколение ждет от нее».

Философия прежде всего призвана дать ответы на вопросы гносеологического порядка, выдвигаемые развитием науки, а также дать обобщение новых открытий естествознания, вскрыть причины трудностей и неудач, с которыми сталкивается прогресс науки. Далее, философия призвана наметить общие пути последующего развития науки, начиная от выбора объекта и методологии исследования, кончая практическим применением научных открытий. Разумеется, философия не может и не должна подменять частные науки, — речь идет о самых общих теоретических и методологических вопросах. Наконец, особенно в современных условиях, когда неуклонно продолжается дробление наук, философия призвана найти точки соприкосновения, объединить между собой различные отрасли естествознания.

Все эти задачи с успехом решает диалектический материализм. На примере книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» можно убедиться, насколько своевременно и верно марксистская философия ответила на самые сложные гносеологические вопросы, которые выдвинула революция в естествознания и на которые не смог дать ответ метафизический материализм. Именно в ленинской книге мы находим анализ причин кризиса в естествознании, указание на пути выхода из него.

Диалектический материализм верно ориентирует естествоиспытателей относительно объекта исследования. Природа, материальный мир, — именно это должно быть постоянным объектом исследования естественных наук. Он ставит перед наукой всё новые и новые вопросы, требуя их решения, вселяя своей теорией познания глубокое убеждение в безграничных возможностях науки, во всесилии человеческого разума. Диалектический материализм вооружает ученых общей методологией научного исследования, требует от них тесной связи с жизнью, с практикой. Он также помогает науке бороться против реакционных сил и теорий, мракобесия и идеализма.

О том, насколько велика роль диалектического материализма для естествознания, очень ярко и убедительно сказал крупный английский ученый и общественный деятель Дж. Бернал: «Диалектический материализм выполняет стратегическую задачу, указывая исследователям пути и методы правильного подхода к решению стоящих перед ними конкретных научных проблем».

Если диалектический материализм необходим для успешного развития естествознания, то идеализм всей своей историей демонстрирует вред, который он приносит естественным наукам. Это ярко видно на примере махизма, а также на примере современной буржуазной философии и философского ревизионизма.

Характеризуя отношение махизма к естествознанию, Ленин отмечал, что махизм выполняет относительно естественных наук явно предательскую роль. Он писал: «Философия естествоиспытателя Маха относится к естествознанию, как поцелуй христианина Иуды относился к Христу. Мах точно так же предает естествознание фидеизму, переходя по существу дела на сторону философского идеализма. Отречение Маха от естественно-исторического материализма есть во всех отношениях реакционное явление . . .».[1]

Это предательство состояло в том, что махизм в условиях новых научных открытий, крутой, революционной ломки старых представлений, в условиях, когда обнаружился кризис естествознания, — не сделал ни малейшей попытки противостоять наступлению идеализма, помочь естествоиспытателям выйти на верную дорогу. Наоборот, эмпириокритики сами толкали естествознание в объятия идеализма и агностицизма, мракобесия и поповщины. Вместо того чтобы дать верные ответы на вопросы, поставленные развитием естествознания, и тем самым указать ему правильный путь, махизм запутывал гносеологические проблемы, порождая тем самым еще большие трудности в естествознании, ставя преграды его развитию. «Материализм, — указывал Ленин, — ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путаного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути».[2]

По всем важнейшим гносеологическим вопросам махизм насаждал путаницу и протаскивал идеализм. Отрицание объективной реальности материи, сведение ее к ощущениям явилось основой для того, чтобы утверждать, будто объектом естествознания должны быть

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 333.
[2] В. И. Ленин. Там же, стр. 34.

человеческие ощущения, а не природа. Мах прямо заявил, что физика должна изучать связь ощущений. Такое истолкование предмета физики, а также других естественных наук вело к ликвидации науки, ибо вместо изучения природы она должна была замкнуться в узком кругу человеческих ощущений. Махисты боролись против детерминизма, против признания объективной причинности и закономерности в природе и протаскивали кантианские, субъективно-идеалистические взгляды в этом вопросе.

Но наука не может существовать и развиваться без признания объективных причин и законов, действующих в природе. Она познает эти причины и законы, ставит полученные знания на службу человеку. Проповедуя релятивизм, эмпириокритики насаждали недоверие к научным открытиям, сеяли сомнение в возможности получения всесторонних и достоверных знаний, открывали доступ агностицизму. Наконец, отрицая роль практики как критерия истины, махисты тем самым лишали науку единственно верного средства проверки полученных знаний.

Так было в прошлом. Теперь есть все основания считать, что предательская роль буржуазной философии и философского ревизионизма по отношению к естествознанию еще более усилилась.

Ревизионизм был и остается преимущественно политическим течением. Его политическая направленность приводит к тому, что естественнонаучные проблемы не находятся в центре внимания ревизионистов, не представляют для них важного поля деятельности.

Но это совершенно не исключает возможности и необходимости рассмотреть отношение философского ревизионизма к важнейшим вопросам современного естествознания, выяснить, что ревизионисты пытаются прямо или косвенно навязать естествоиспытателям в теоретическом и методологическом отношении, на что они ориентируют естествознание.

Философия всегда связана с естествознанием, именно через философию и проявляется определенное влияние ревизионизма на естественные науки, определенное отношение к их трудностям и успехам, к самой роли естествознания в современном обществе.

Анализ отношения философского ревизионизма к естествознанию весьма важен потому, что позволяет глубже и полнее вскрыть его капитулянтство перед буржуазной философией, показать тот огромный вред, который может принести науке любое отступление от марксистской философии. Такой анализ полезен и в том отношении, что способствует расширению фронта борьбы против ревизионизма, показывая необходимость участия в ней не только философов-марксистов, но и естествоиспытателей, стоящих на позициях диалектического материализма.

Мы остановимся специально на отношении современного позитивизма к вопросам естествознания, хотя, как уже отмечалось, к естествознанию обращаются сейчас все направления современной буржуазной философии. Но дело в том, что неопозитивизм, среди сторонников которого имеется много крупных ученых капиталистических стран, давно претендует на особое положение, на роль «философии наук», «философии естествознания». К тому же взгляды философских ревизионистов по вопросам естествознания, которые нельзя обойти, преимущественно тяготеют к современному позитивизму.

Одной из центральных проблем, вокруг которой идет острая борьба между диалектическим материализмом и современной буржуазной философией, является проблема значения философии для естествознания, вопрос о том, какую роль призвана выполнять философия применительно к естествознанию. Это важный вопрос, так как продолжающаяся революция в естествознании выдвигает все новые и новые философские проблемы, требует их решения.

Как это ни странно на первый взгляд, современный позитивизм, претендующий на роль единственно верной философии естествознания, выступает против философии, за освобождение естественных наук от ее влияния. Многие позитивисты придерживаются того мнения, что наука — сама себе философия. Ф. Франк прямо утверждает: «нет никакой философии вне специальных наук». Но нельзя отбросить философию, она неразрывно связана с естествознанием. Как отмечал Энгельс, всякий естествоиспытатель, желающий вообще освободиться от философии, попадает в объятия самых реакционных философских теорий. У позитивистов, выступающих под

флагом борьбы с метафизикой против философии, так и получается. Они отказываются от материалистической философии и стремятся протащить субъективный идеализм.

Такую же цель преследует и та часть позитивистов, которая допускает существование философии, но чрезвычайно своеобразно трактует ее роль применительно к науке. К их числу относятся такие крупнейшие представители современного позитивизма, как Рассел и Карнап. Рассел считает, что задача философии состоит в «логическом анализе» науки. Логический анализ или аналитический эмпиризм, как признает сам Рассел, связан с идеями Беркли и Юма. «Современный аналитический эмпиризм, — пишет Рассел в «Истории западной философии», — отличается от эмпиризма Локка, Беркли и Юма внедрением математики и развитием могущественной логический техники».

Суть логического анализа сводится у Рассела к следующему. Он считает, что обычное знание, то есть знание, основанное на опыте, получаемое с помощью науки, еще не позволяет вскрыть сущность предметов и явлений, те первичные элементы, из которых они состоят. Наука позволяет лишь познать молекулы, атомы, протоны, электроны, но все это еще не есть первичные элементы мира. Только с помощью математической логики, априорных рассуждений положения научного знания сводятся к положениям о первичных элементах мира, которыми являются чувственные данные. Нетрудно увидеть, что все построения Рассела, в конечном счете, удивительно напоминают рассуждения Маха, который тоже сводил предметы и явления к комбинации человеческих ощущений, называвшихся у него элементами.

«Логический анализ» науки считает важнейшей задачей философии и Карнап. Разница лишь в том, что, в отличие от Рассела, он видит предмет, подвергаемый логической обработке, в символике, языке науки. Причем универсальным языком науки, имеющим всеобщее значение, он считает физический язык. Таким образом, Карнап сводит все науки к физике, Рассел же — к математической логике.

Следовательно, современный позитивизм навязывает естествознанию механицизм, сводя одни науки к другим, игнорируя качественные различия между ними, он на-

стойчиво стремится заменить естественноисторический материализм многих физиков субъективным идеализмом, подорвать естественнонаучные основы диалектического материализма, дискредитировать его в глазах естествоиспытателей. Это очень ярко проявилось в докладах на Втором международном конгрессе по философии наук, состоявшемся в 1954 году в Цюрихе. Выступая с докладом, позитивист Детуш говорил: «В общем и целом уже в течение 25 лет мы присутствуем при создании новой философии природы, новой концепции связи между субъектом и объектом, которая не может привести ни к одной из философских концепций, выработанных в предшествующий период». Главное для этой новой концепции, по словам Детуша, концентрируется в одном слове — субъективность.

Позитивистское отрицание значения философии для естественных наук находит достойных последователей среди философских ревизионистов. В этом направлении строит свои высказывания французский ревизионист Лефевр, а вслед за ним польский ревизионист Л. Колаковский. В статье «За счет чего живут философы» он стремится убедить читателя в том, что философия играет тормозящую роль по отношению к естественным наукам, она совершенно не нужна для естествознания. Л. Колаковский был бы, конечно, прав, если бы речь шла об идеализме, который действительно приносит огромный вред естествознанию, тормозит его развитие. Однако свои рассуждения он связывает с диалектическим материализмом. По его мнению, именно марксизм не нужен для естествознания, ибо «не существует никакой методологии, своеобразной для марксизма, которая оказала бы влияние на прогресс естественных наук».

Предательством к естествознанию, объективно идущему к диалектическому материализму, является позиция неопозитивизма — «философии наук», протаскивающей механицизм и субъективный идеализм. Но трижды предательством являются рассуждения ревизионистов, которые, подобно Л. Колаковскому, в условиях, когда развитие естествознания показывает огромную силу и ценность марксистской теории и методологии, дискредитируют диалектический материализм и расчищают дорогу идеализму. Ревизионисты, плетясь в хвосте буржуазной философии, на каждом шагу скатываются

к идеализму, пропагандируют его. Они смыкаются с тем субъективно-идеалистическим пониманием природы, которое защищают позитивисты.

В полном согласии с позитивизмом Л. Колаковский в статье «Актуальное и неактуальное понятие марксизма» трактует вопрос об окружающем человека мире. На первый план он выдвигает центральный пункт позитивистского миропонимания — субъективность. Он пишет, что весь полученный нами образ мира является творением «общественно-субъективным». Это значит, что «он является творением коллективной деятельности, которая организует материал действительности применительно к потребностям биологической и общественной ориентации человека в мире, и только таким образом сформированное сохраняется в умах. Следовательно, весь внечеловеческий мир есть в этом смысле человеческое сознание». Не ново и не оригинально это высказывание. Каждый, кто читал книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», увидит, что Л. Колаковский не только следует современным позитивистам, но и заимствует свои взгляды у русских махистов.

Ревизионист Э. Блох (ГДР) в исследовании, посвященном материи — «Манускрипт — материя», сосредоточивает свои усилия на критике ленинского определения материи. Под флагом борьбы с догматизмом и схематизмом Э. Блох объявляет данью механистическому материализму, проявлением догматизма «признание независимой от человеческого сознания материи». Возрождая взгляды немецкого идеалиста Шеллинга, Э. Блох превращает материю в отношение между субъектом и объектом, между духом и веществом.

Позитивистская и ревизионистская проповедь субъективного идеализма, отрицание объективной реальности внешнего мира, материи дезориентирует естествознание, лишает науку действительного предмета исследования. Только диалектический материализм, утверждающий, что природа, материя существуют вне и независимо от сознания, дает правильную ориентировку научным исследованиям, сосредоточивая внимание ученых не на субъективных ощущениях, а на познании действительных причин и законов, действующих в природе.

Здесь мы подошли к другой важной проблеме — проблеме детерминизма, в решении которой также ярко

проявляется реакционная роль по отношению к естествознанию неопозитивизма и философского ревизионизма. Детерминизм характерен для материалистической линии в философии. Он связан с признанием объективной причинности и необходимости, объективной закономерности в природе и общественной жизни. Без этого не может быть науки, ибо любая область научного знания, в конечном счете, призвана дать людям верное представление о причинах и законах, действующих в объективном мире. Иначе наука перестает быть наукой, превращаясь в сумму умозрительных построений, бесполезных для практики.

Однако в естествознании, особенно в физике, совсем еще недавно были широко представлены реакционные идеи индетерминизма. В свое время они усиленно насаждались махистами, а затем современными позитивистами. Для махистов и современных позитивистов причинность — чисто логическая категория, не имеющая объективного содержания. Ленин подчеркивал, что сторонники субъективного идеализма выводят порядок и необходимость природы «не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п.»[1]. Так поступает, например, один из крупных представителей современного позитивизма австриец М. Шлик. Он сводит причинность к чисто количественной, математической операции, зависящей от субъекта. Если люди дают правильную количественную оценку будущих или прошедших событий на основе верной количественной характеристики событий, происходящих в настоящее время, то причинность существует; если этого нет, — причинность отсутствует.

Индетерминизм, распространявшийся среди естествоиспытателей махистами и неопозитивистами, имел некоторые благоприятные предпосылки для своего существования, связанные с трудностями естествознания. Дело в том, что в XIX веке среди естествоиспытателей господствовало механистическое понимание детерминизма, которое, будучи вполне пригодным для понимания явлений макромира, оказалось явно недостаточным для исследования микроявлений.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 142.

Ограниченность механистического детерминизма, конечно, не служит доказательством несостоятельности детерминизма вообще. Причинность, необходимость и закономерность действуют всюду, но проявляются различно. Следовательно, одна из задач науки и состоит в том, чтобы найти специфику действия объективной причинности и необходимости в той или иной области, а не отказываться вообще от детерминизма. Так ставит вопрос диалектический материализм.

Но такая ясная постановка вопроса далеко не является еще достоянием всех естествоиспытателей. Отсутствие диалектико-материалистического подхода к новым открытиям физики, сильнейшее давление реакционной идеалистической философии привело в свое время к тому, что для ряда ученых отказ от механистического детерминизма вылился в отрицание объективной причинности. Например, один из наиболее выдающихся современных физиков Н. Бор в 1927 году выдвинул принцип дополнительности, противопоставив его принципу детерминизма. Бор отстаивал индетерминизм. Аналогичных взглядов придерживался и другой выдающийся физик — Гейзенберг.

В последнее время у Бора, как и у других зарубежных естествоиспытателей, стоящих на позициях индетерминизма, обнаружились явно материалистические тенденции в понимании причинности. Если в 1948 году Бор прямо утверждал, что принцип причинности не дает полного описания действительности, то в статье «Квантовая физика и философия», вышедшей в 1959 году, он уже специально отмечает, что его теория «отнюдь не означает отказа от идеала причинности».

Это еще и еще раз показывает, что правда материализма, несмотря ни на какие преграды, прокладывает себе дорогу. Но против нее и выступают современные позитивисты, отстаивая индетерминизм. Вместе с ними борются с детерминизмом и современные ревизионисты. Так, в польском журнале «Философская наука» (№ 1 и 2 за 1958 год) была опубликована статья Е. Эдельштейн «Лаплас, Энгельс и наши современники», где вопрос о причинности подвергался специальному рассмотрению. Автор считает, что диалектическому материализму совсем не вредно позаимствовать немножко индетерминизма, для чего можно ограничить детерминизм маркси-

стской философии макромиром и общественной жизнью. Л. Колаковский утверждает в статье «Актуальное и неактуальное понятие марксизма», что «детерминизм становится более понятным, если понимать его как правило мышления, а не метафизическую теорию».

Таким образом, и в вопросе о причинности и необходимости, в понимании закономерностей окружающего мира неопозитивизм и философский ревизионизм отстаивают реакционные взгляды, препятствующие прогрессу естествознания.

Современное естествознание, болезненно переживая трудности роста, идет и в капиталистических странах к диалектическому материализму. В самые последние годы авторитет субъективно-идеалистической философии неопозитивизма заметно слабеет. Отрицание объективной реальности природы, законов ее существования и развития, агностицизм, требование отказаться от философской проблематики, — эти и другие реакционные черты, характерные для современного позитивизма, настолько несовместимы с подлинно научным исследованием, что заставляют все большее число ученых капиталистических стран обращаться к поискам иных философских теорий.

В одних случаях эти поиски приводят к усвоению и признанию диалектического материализма. Такой путь прошли физики Ланжевен, Луи де Бройль, Вижье и другие. В других случаях обнаруживается переход от идеализма к позициям стихийного материализма. Здесь можно сослаться на эволюцию взглядов Н. Бора. Долгое время он был сторонником позитивизма, одним из крупнейших представителей физического идеализма. Но в последнее время взгляды его заметно изменились, о чем свидетельствует упоминавшаяся нами статья «Квантовая физика и философия». В ней Бор вполне в духе материализма заявляет, что изменение условий изучения атомных объектов по сравнению с подходом, характерным для классической механики, не меняет принципиально объективного характера исследования, что описание атомных явлений имеет «совершенно объективный характер» и что в современных теориях отображаются фундаментальные свойства материи.

Наконец, в отдельных случаях отход от субъективного идеализма приводит некоторых крупных ученых

к временному или более длительному признанию объективного идеализма. Например, Гейзенберг на протяжении трех с лишним десятков лет отстаивал махистские, позитивистские взгляды. Однако затем он перешел на позиции, близкие к объективному идеализму. А сейчас, если судить по его высказываниям о международной конференции в Киеве, посвященной физике высоких энергий (1959), Гейзенберг эволюционирует в сторону материализма. Он, например, считает возможным и необходимым признание материи, объективной причинности.

Конечно, идеализм в любой своей форме чужд науке. Современный объективный идеализм, прямо связанный с религией, стремится подчинить науку вере, превратить ее в служанку богословия. Но все-таки самый факт ослабления влияния субъективного идеализма, пусть даже иногда в пользу объективного идеализма, весьма знаменателен. Он свидетельствует об ослаблении позиций идеализма в современном естествознании, о растущем воздействии на умы ученых диалектико-материалистического мировоззрения, к которому ведет естествознание внутренняя логика его развития.

Все эти факты отнюдь не снимают необходимости борьбы против идеализма. Сложность и противоречивость обстановки в естествознании капиталистических стран требуют от философов-марксистов особого внимания к проблемам естественных наук, особой чуткости к ученым-естествоиспытателям, постоянной им помощи. Ведя борьбу с идеализмом, борьбу все более решительную и аргументированную, необходимо, как этому всегда учил Ленин, вооружать естествоиспытателей диалектическим материализмом, показывать величайшее теоретическое и методологическое значение марксистской философии для любой отрасли знания. И если этого не делают ревизионисты, именующие себя сторонниками и носителями творческого марксизма, а на деле извращающие философию марксизма, то они совершают величайшее предательство по отношению к естествознанию, которое неизмеримо позорнее предательства махизма в прошлом, неопозитивизма в настоящем.

ПРОБЛЕМА ПАРТИЙНОСТИ ФИЛОСОФИИ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Проблема партийности философии является одной из коренных проблем. Наиболее полно и всесторонне она развита и обоснована в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Несмотря на то, что вся эта работа от начала до конца, как и все ленинские произведения, пронизана духом партийности, Ленин все же считал необходимым специально остановиться на вопросе партийности философии. В параграфе «Партии в философии и философские безголовцы» он писал: «Нам осталось еще рассмотреть вопрос об отношении махизма к религии. Но этот вопрос расширяется до вопроса о том, есть ли, вообще, партии в философии и какое значение имеет беспартийность в философии».[1]

Подвергая эмпириокритицизм критике, Ленин с предельной ясностью показал наличие противоположных, ведущих между собой непримиримую борьбу партий в философии. «Новейшая философия, — пишет он, — так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела... являются материализм и идеализм».[2] Однако Мах и Авенариус пытались выскочить из этих двух коренных направлений в философии, хвалились тем, что они создали третью линию в философии, которая, по их утверждению, является беспартийной. На деле же махизм, как писал Ленин, *ежеминутно* оступался в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом.

В нашу великую эпоху классовых битв — в эпоху перехода человечества от гибнущего капитализма к растущему коммунизму — ареной идеологической борьбы, так же, как и пятьдесят лет назад, являются не только социологические теории, но и общие теоретические вопросы наук о природе — физики, астрономии, химии, биологии и других. Не в меньшей, а в большей мере это относится к философии, так как она призвана осмыслить и обобщить теоретические достижения наук о природе и обществе. И теперь, как и в прошлом, идет борьба

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 321.
[2] В. И. Ленин. Там же, стр. 343.

между двумя основными партиями в философии — материализмом и идеализмом.

Современная буржуазная философия — все ее течения, а с ними и ревизионизм, как и разоблаченные Лениным эмпириокритики, ставят перед собой задачу защиты империализма и идеализма, борьбы против материализма вообще, диалектического в особенности. Различие между буржуазной идеалистической философией, подвергнутой Лениным критике, и современной буржуазной философией, по существу, состоит лишь в том, что последняя не только в теории, но и на практике ведет борьбу против социализма. В этом явно обнаруживается партийность современной буржуазной философии.

Принцип партийности марксистской философии состоит в том, что она ведет непримиримую борьбу против всего реакционного, идеалистического, бережно относится ко всему положительному, перерабатывая его критически, правильно объясняет законы природы и общества и, исходя из них, открыто заявляет о неизбежности гибели капитализма и победы социализма во всех странах мира.

Марксистская философия учит трудящихся, что объективно действующие законы в общественной жизни осуществляются через деятельность людей. Поэтому процесс разложения старого общества и становления нового не проходит стихийно. Следовательно, гибель империализма и торжество коммунизма на всем земном шаре тоже не произойдут стихийно, а совершатся в результате сознательной и активной борьбы трудящихся против буржуазии.

Диалектический материализм составляет теоретическую основу коммунистических партий всех стран мира в борьбе с буржуазией. Еще Маркс писал, что до сих пор философы лишь различным образом объясняли мир, задача же состоит не только в этом, а главным образом в том, чтобы, правильно объяснив мир, *указать трудящимся пути и средства его изменения, особенно в области общественных явлений.* Эти мысли Маркса свидетельствуют о глубокой партийности диалектического и исторического материализма.

Прогрессивные классы, которым принадлежит будущее, всегда заинтересованы в правильном отражении действительности, ибо истина помогает им бороться

с реакционными классами. Пролетариат, в отличие от всех других общественных классов, является первой (вместе с тем и последней) революционной силой, которая поставила своей целью окончательно уничтожить не только эксплуатацию, но и классы вообще, построить общество, которое бы смогло полностью удовлетворить материальные и духовные потребности человека. Вот почему пролетариат так заинтересован в безграничном и глубоком познании объективного мира, его закономерностей, и прежде всего процессов и закономерностей общественной жизни.

У пролетариата партийность совпадает с объективной истиной, у буржуазии, как и у всех реакционных классов, — лишь с ее желаниями, но не с объективной действительностью, с общественным прогрессом. Уходящие классы боятся объективной истины, трепещут перед правдой жизни, делают всё, что только могут, чтобы помешать познать закономерный ход истории. Современная буржуазия ни перед чем не останавливается для того, чтобы отвлечь трудящихся от марксизма. Она использует для этого различные идеалистические школы и направления, религию во всех ее формах.

Ленинскому принципу партийности философии современные идеалисты противопоставляют буржуазный «объективизм», с тем чтобы, прикрываясь беспартийностью, на деле проводить реакционные концепции. Современные буржуазные философы, изображая себя «надпартийными», прикладывают много сил, чтобы оклеветать марксистский принцип партийности философии. Один из католических философов, австриец Иоган Фишер, в книге «Материализм и позитивизм современности» усиленно старается доказать, что для марксиста нет объективного критерия истины, так как объективность для него означает не что иное, как отражение действительности «в мозгу представителей пролетариата». Буржуазный философ Бохенский в книге «Советско-русский диалектический материализм» указывает на то, что теория марксизма-ленинизма не может быть объективной, так как она служит оружием марксистских партий в борьбе против капитализма.

Современные ревизионисты, как и буржуазные философы, считают принцип партийности философии источником «догматизма» среди марксистов; они, подобно рус-

ским махистам Богданову, Валентинову, Юшкевичу и другим, объединены враждой к диалектическому материализму, претендуют в то же время на то, что они являются марксистами в философии. Русские ревизионисты, опровергая материализм, делали вид, что они опровергают только материализм Плеханова, а не Маркса и Энгельса. Современные ревизионисты, занимаясь опровержением диалектического материализма, лицемерно заявляют, что они опровергают лишь «сталинизм», а не марксизм.

Сущность борьбы против марксистско-ленинского учения у них сводится к следующей триаде: выдавая себя за творческих марксистов, они ведут борьбу против «сталинизма» в защиту «ленинизма», а затем против ленинизма в защиту марксизма и, наконец, отказываются вообще от марксизма. Обманывая политически неискушенных людей, ревизионисты выдают себя за противников «догматического марксизма», а на деле отвергают марксизм-ленинизм как в теории, так и на практике.

Чувствуя за собой мощную поддержку империалистической пропаганды, ревизионисты зашли настолько далеко в борьбе с ленинизмом, что требуют даже отказаться от термина «ленинизм», так как с их точки зрения марксизм-ленинизм не подходит к капиталистическим странам Запада. Так заявляли, например, американские ревизионисты Джон Гейтс, Джозеф Старобин и другие, ныне целиком порвавшие с коммунистическим и рабочим движением. Сперва они стараются доказать, что марксизм-ленинизм якобы неприменим ко всем странам, не носит всеобщего характера, а затем пытаются подорвать основы марксистско-ленинского учения — диалектический и исторический материализм.

Так же поступали югославские, венгерские, немецкие и другие ревизионисты. Хорошо известно, что они, отрицая общие закономерности построения социализма, пытались отыскивать «особые пути» построения социализма, отличные от тех, которые подтверждены опытом развития СССР. Они обвиняли коммунистические партии всех стран, твердо стоящих на пути строительства социализма, в догматизме.

Ленин, критикуя ревизионистов, писал: «Но так как критерий практики, — т. е. ход развития *всех* капиталистических стран за последние десятилетия, — доказывает

только объективную истину *всей* общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той или иной части, формулировки и т. п., то ясно, что толковать здесь о «догматизме» марксистов, значит делать непростительную уступку буржуазной экономии. Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем придти ни к чему, кроме путаницы и лжи».[1]

Эти слова написаны Лениным свыше пятидесяти лет назад. Они направлены против ревизиониста Богданова, который обвинял марксистов в приписывании ими теории Маркса «надысторически объективной истины». Но они очень актуальны и сегодня в борьбе с современным ревизионизмом, который, игнорируя опыт строительства социализма в СССР и странах народной демократии, упорно пытается отыскать путь построения социализма, далекий от того, который указан марксистско-ленинской теорией.

Отрицая общие закономерности развития природы и общества, современные ревизионисты отрицают и марксистско-ленинский принцип партийности философии. Они считают, что подчеркивание партийного, классового характера различных философских направлений и школ в современных условиях не отражает интересов классов и политических партий, а поэтому является пагубным для марксизма. Как и современные позитивисты, ревизионисты критикуют марксистско-ленинскую теорию двух лагерей в философии. В философских журналах США, Франции, Югославии и др. были опубликованы статьи, в которых делались попытки опровергнуть марксистско-ленинский принцип партийности философии, изобрести «промежуточные» неидеалистические и нематериалистические течения в философии. Этот прием борьбы против принципа партийности философии не нов, он применялся и в прошлом различными представителями философского идеализма. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» подверг критике всех философов, которые пыта-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 130.

лись стать над материализмом и идеализмом. Он показал, что «средней» линии в философии нет и не может быть.

Ленинская критика «средней» линии в философии в полной мере относится и к современным ревизионистам. Их расшаркивание перед «новейшим» позитивизмом и другими идеалистическими течениями означает отказ от марксистско-ленинского принципа партийности философии, переход с позиций рабочего класса на позицию буржуазии. Это можно проследить во взглядах югославского философа Марковича, венгерского ревизиониста Г. Лукача, называвшего контрреволюционный мятеж в Венгрии «славной революцией».

Лукач отрицал классовый характер идеологии и антагонистические противоречия в ней, обосновывал «теорию» и практику «третьего пути» в идеологии. Тем самым он оправдывает ложный тезис об «идеологическом сосуществовании», то есть о примирении буржуазной и социалистической идеологии. Отрицая ленинский принцип партийности в идеологии, Лукач приходит к отрицанию партийности искусства и литературы.

Подобные рассуждения современных ревизионистов, прикрываемые лозунгом свободы творчества художника, направлены против партийного руководства искусством и литературой. Они призваны свернуть социалистическое искусство и литературу в сторону от главного пути их развития. «А главная линия развития состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразующую деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».[1]

В полном согласии с философскими идеалистами, ревизионисты третируют и принижают материализм, сознательно обходят его великие достижения в развитии философской мысли, клевещут на него. Так поступали Лукач, Блох, Лефевр и другие. Лефевр старается обосновать

---

[1] Н. С. Хрущев. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. Госполитиздат, 1957, стр. 20.

мысль, что идеалистические системы были более богаты живым содержанием, чем материалистические учения, что достижения, приобретенные человечеством в теории познания, были выкованы, по его мнению, «внутри идеалистических учений».

В вопросе о материальности мира взгляды Лефевра смыкаются с агностицизмом. «Для последовательного материалиста, — пишет он, — слово и понятие „материя" является своего рода иксом (неизвестным), который следует подвергнуть нашему утверждению (или отказаться от него)».

Если Лефевр по вопросу материальности мира впадает в агностицизм, то Блох открыто выступает против ленинского понятия материи. По Блоху, материя не объективно существующая реальность, а процесс, источником которого является субъект. Ссылаясь на Гегеля, Блох считает, что материя является моментом духа. Лукач также отрицает независимость объективной реальности от субъекта.

Но это все тот же идеализм, который был разоблачен Лениным полвека назад. Критикуя подобные взгляды, Владимир Ильич писал: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».[1] Это определение материи носит подлинно научный характер. Оно является обобщением достижений философии, науки и практики и направлено против взглядов идеалистов прошлого и настоящего, в том числе и против современного философского ревизионизма.

Из отрицания объективного характера материи современные ревизионисты пришли к необходимости извращения и гносеологии диалектического материализма. Как и современные буржуазные философы, они отвергают ленинскую теорию отражения. Основу познания для философского ревизионизма составляют не практика, а субъективные чувства и интуиция. По мнению Лефевра, в человеческом сознании отражаются не сами по себе процессы, происходящие в природе и обществе, а субъективная деятельность по преобразованию внешнего мира.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр.117.

В борьбе с махистами В. И. Ленин развил научную теорию познания, с предельной ясностью доказав, что предметом познания философии служит объективно существующий мир, его закономерности, что источником знания и критерием истины является практика.

Отрицая возможности познания мира, ревизионисты, по существу, приходят к отрицанию возможности свержения капитализма пролетариатом. Вся беда «догматического» марксизма, как утверждали ревизионисты А. Джолитти, П. Эрве и другие, заключается в подчеркивании внутренних противоречий современного буржуазного общества, в противопоставлении интересов пролетариата интересам буржуазии. А между тем вся мудрость современного буржуазного общества, пишут эти бывшие «марксисты», состоит в осознании родства и общности интересов пролетариата и буржуазии. Эрве пытался доказать, что пролетариат и буржуазия вышли из одного и того же третьего сословия, поэтому они имеют очень много общего и потому их нельзя противопоставлять.

Джолитти поучал пролетариат, что его задача сводится якобы только к тому, чтобы «осознать свою роль производительной силы и в качестве таковой отождествиться с техническим прогрессом». Если же этого рабочий класс не сделает, то все заслуги и плоды прогресса, угрожая пролетариату, говорит Джолитти, достанутся одним капиталистам.

Так современные ревизионисты затушевывают противоречия капитализма и вместе с тем борьбу двух мировых социально-экономических и политических систем — социализма и капитализма.

Наиболее активные атаки ревизионисты направляют против марксистской социологии. Особенно рьяно они нападают на ее связь с диалектическим материализмом, на неразрывную связь марксистской социологии с революционной политикой и стратегией рабочего класса. Свое острие ревизионисты и направили против марксистско-ленинского учения о социалистическом государстве и социалистической демократии.

Ревизионизм продолжает оставаться главной опасностью международного пролетарского движения. Коммунистические партии всех стран мира вели и ведут с ним непримиримую борьбу. И в этой борьбе они добились огромных успехов.

Трудно переоценить роль и значение работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в борьбе против буржуазной философии и современного ревизионизма. Это гениальное ленинское произведение является образцом критики идейных противников марксизма, диалектического и исторического материализма. К нему, как к неиссякаемому источнику теоретической мысли, всегда обращались и обращаются все коммунистические партии мира. В нем они постоянно находят ту идейную силу, которая помогает наносить сокрушительные удары многочисленным современным буржуазным идеалистическим течениям и скрытым агентам империализма в рабочем движении — современным ревизионистам.